

© 1995 г. П.В. ДУРСТ-АНДЕРСЕН

МЕНТАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СУПЕРТИПЫ*

1. ВВЕДЕНИЕ

Не вдаваясь в подробности нынешнего состояния типологических исследований языков мира, упомянем лишь самые главные, на наш взгляд, черты, характеризующие, за исключением отдельных работ [Тань 1994], не только чисто типологические исследования, но и работы по общей теории языка. Кроме типологических работ Г.А. Климова [Климов 1977, 1983], в которых языки активного, эргативного и номинативного строя рассматриваются как построенные на различных основаниях, работы в области традиционной типологии трактуют разные типы как возможные манифестации языка-эталона, ключевые категории которого более или менее соответствуют категориям латинского языка. Что касается синтаксической типологии, она включает в себя такие синтаксические компоненты, как подлежащее, прямое и косвенное дополнения и такие семантические компоненты, как агент, пациенс, реципиент, а также соответствующие синтаксические связи переходности и непереходности и семантические связи целенаправленности и нецеленаправленности. Например, в рамках так называемого функционального направления в западной лингвистике [Comrie 1981, Givón 1984, Keenan 1984, Dixon 1994] причина различия между языками номинативного и эргативного строя сводится к следующему. В связи с наличием глаголов с двумя актантами, т.е. с подлежащим и прямым дополнением, каждый язык должен установить различие между первым и вторым актантами во избежание недоразумений при коммуникации. Языки номинативного строя выбирают один путь (различие маркируется прямым дополнением), а языки эргативного строя — другой (различие маркируется подлежащим). Таким образом, лингвистическое выражение выдвигается на передний план, а лингвистическое содержание почти утрачивает свое значение [Greenberg 1989]. В результате семантический синтаксис эргативного языка ничем не отличается от семантического синтаксиса номинативного языка: в обоих случаях имеется прямое дополнение, которое выражает пациенс, но выражает его нулевым суффиксом. Понимание такого же рода можно найти и у Н. Хомского, который считает, что существует универсальная грамматика с наличием так называемых "пустых" параметров. Грамматика каждого языка является результатом выбора между различными параметрами. Во-первых, не все установленные в универсальной грамматике принципы реализуются в каждом языке. Во-вторых, в отдельных языках имеется выбор между значениями "маркировано" и "немаркировано" [Chomsky 1986]. В принципе, на основе параметров универсальной грамматики можно было бы выделить разные типы грамматических систем, но это предполагало бы наличие либо определенных гипер-принципов с управляющей силой, либо

* Настоящая работа представляет собой обработанную версию доклада, прочитанного 22.XI.1994 в Институте языкознания РАН. Автор хотел бы поблагодарить Г.А. Климова, В.Г. Гака, Ю.Д. Дешериева, Л.С. Ермолаеву за ценные замечания и проявленный ими искренний интерес к результатам его исследований.

определенных уровней описания со своими параметрами. Такие гипер-принципы и такие уровни до сих пор не были определены. Существует, однако, ряд общих принципов, отдельные из которых явно противоречат конкретной языковой действительности, например, принцип, согласно которому любое предложение имеет обязательное подлежащее (см. критику такого постулата у Л. Бэбби [Babby 1989, 1994]. Иными словами, сторонники теории управления и связывания (GB-theory) также придерживаются мнения, что все языки построены на одной и той же основе.

В последние годы в лингвистической типологии наметились контуры нового направления, получившего название "контрастивная типология" [Hawkins 1986, Müller-Gotama 1992]. В этой отрасли типологии, находящейся в самом начале своего развития, проявляется интерес к явлению "гармонии" между различными категориями определенного языка, а также к причинам отсутствия категорий в одном языке, играющих центральную роль в другом. Такой интерес замечался и раньше. Речь идет не только о взаимосвязи грамматических явлений в одном типе языков, например, в языках активного строя [Климов 1977], но и о взаимосвязанности отдельных категорий в одном языке, например, категории вида русского глагола с категорией падежа [Jakobson 1936, Timberlake 1982]. Однако традиционная типология не в состоянии дать убедительной трактовки этих феноменов. Это объясняется не только отсутствием разных "глубинных структур" и адекватных понятий в современном языкознании, но и стремлением найти унифицированные средства в одном языке, выражающие, как предполагается, то же содержание, которое грамматикализовано в другом языке, как если бы разница между этими двумя языками состояла только в средствах выражения.

Нам хотелось бы выдвинуть гипотезу, что не все языки грамматикализованы на одной основе. Мы считаем, что необходимо установить различие между структурами действительности, структурами сознания и структурами языка. Само собой разумеется, что все существующие в мире языки созданы человеком с помощью головного мозга, но это не означает, что они были образованы с помощью одних и тех же механизмов сознания или в одном и том же участке мозга. В продолжение нашей докторской диссертации [Durst-Andersen 1992], в которой совершенный и несовершенный виды русского глагола трактуются как языковые эквиваленты отдельных ментальных моделей, нам хотелось бы в обобщенном виде представить основные положения теории образования центральных категорий языка на основе разных структур сознания. В соответствии с данной теорией грамматические системы разных языков грамматикализованы, но на основе структур сознания, которые, каждая по-своему, отражают определенные структуры действительности. Иными словами, одни и те же структуры действительности отражаются в человеческом сознании на трех уровнях. Эти уровни когнитивных структур универсальны в том смысле, что в сознании всех народов имеются одни и те же структуры. В противоположность когнитивным структурам следует различать языковые структуры разных языков, которые соотносятся с одной и той же моделью отражения действительности в человеческом сознании. Таким образом, разные языки группируются вокруг определенных "супертипов" (или "гипертипов"), соответствующих трем названным уровням когнитивных структур.

На основе коммуникативной модели К. Бюлера [Bühler 1933], базирующейся на экспрессивной, аппеллятивной и репрезентативной функциях языка, выдвигается новая теория супертипов, согласно которой грамматические категории и синтаксические структуры отдельного языка построены на одном из следующих элементов: либо на коммуникативном намерении говорящего, являющемся симптомом, т.е. отражением его эмоций и мыслей, либо на сообщении, предназначенном для слушающего и представляющем собой сигнал в его адрес, либо на ситуации, символом которой служит структура предложений такого языка. Само собой разумеется, что при порождении речи все три языковые функции воплощаются в конкретные, речевые функции в любом языке, но это отнюдь не означает, что грамматические структуры

всех языков построены на все трех языковых функциях. Разные структуры отдельного языка не могут указывать одновременно на говорящего, слушающего и реальность.

Каждый супертип имеет свою детерминирующую категорию [Климов 1977] в системе категорий вида, времени и наклонения. Русский и французский языки имеют совершенный и несовершенный виды, английский и датский — перфект и имперфект (т.е. две формы времени), грузинский и турецкий — прямое и косвенное восприятие ситуации говорящим (т.е. две особые формы наклонения). Хотя вполне можно утверждать, что каждая центральная категория определяет структуру всей базисной системы этих трех языков, обеспечивая при этом полное внутреннее согласование среди членов центральной и периферийных категорий отдельного языка [Живов, Успенский 1973], это не означает, что два языка, принадлежащие к одному и тому же супертипу, имеют одну и ту же систему. В этом отношении наша теория основывается на предложенной Е. Косериу [Coseriu 1965] тетрадом языка. Итак, мы исходим из понимания языка как четырехстороннего явления, включающего тип (т.е. супертип по нашей терминологии), систему, норму и речь. Из-за разных толкований одних и тех же явлений и из-за разного рода обобщений языки, принадлежащие к одному и тому же супертипу, реализуются в виде разных систем. На уровне супертипа речь идет о принципах, которые предоставляют ряд возможностей. На уровне системы речь идет о правилах, которые, каждое по-своему, представляют собой конкретные манифестации одного и того же принципа¹.

2. ЯЗЫКИ, ОРИЕНТИРОВАННЫЕ НА ГОВОРЯЩЕГО, И МЕНТАЛЬНЫЕ ИНСТРУКЦИИ

Предположим, что в человеческом сознании существует "центр", который с помощью ментальных инструкций в состоянии идентифицировать разные ситуации окружающей действительности. Некоторые из них идентифицируются на основе прямого, физического восприятия. Например, простая ситуация "состояние" идентифицируется как стабильное изображение, простая ситуация "деятельность" — как нестабильное изображение. В то время как простые ситуации могут различаться визуальным способом [состояние (q) отражается в виде стабильного образа на "перцептуальном экране", а деятельность (p) в виде нестабильного образа], сложные ситуации (такие как события и процессы, состоящие из ситуаций "деятельность" и "состояние", т.е. из простых ситуаций) идентифицируются с помощью "инструкций", т.е. ментальных указаний. Событие (состояние, каузированное деятельностью) идентифицируется на основе принятия двух сообщений, которые противоречат друг другу. Приведем пример. Если я видел своими глазами, что на столе ничего нет ($\neg q$), и если я вдруг увижу вазу на том же столе (q), то я могу сделать вывод, что кто-то продуцировал деятельность, которая каузировала состояние "на столе есть ваза". Я хорошо знаю, что состояние "на столе ничего нет" и "на столе есть ваза" не могут существовать в одном и том же мире, и поэтому я решил, что "на столе ничего нет" принадлежит к прошлому, а "на столе есть ваза" принадлежит к настоящему. Иными словами, произошло изменение состояния ($\neg q \rightarrow q$). Хотя я не видел деятельности, я решил, что какая-то деятельность является причиной изменения состояния. Я пришел к такому выводу автоматически и бессознательно, используя инструкцию событий (если $\neg q \wedge q$, то p причина q). Из-за отсутствия эквивалентного отражения деятельности на перцептуальном экране, событие было воспринято не прямо, а косвенно. Если бы я видел деятельность "кто-то продуцирует деятельность с вазой в руках в направлении стола" (или, скорее всего, если бы я идентифицировал процесс на основе

¹ Мне хотелось бы предупредить читателя о том, что наше изложение грамматик разных отдельных языков не претендует на статус исчерпывающего описания. Это будет гипер-грамматика, т.е. объяснение с принципиальной точки зрения грамматических явлений, которые, в свою очередь, ждут конкретных описаний.

инструкции процессов, т.е. если р делает возможным q, то р ЦЕЛЬ q), и если бы через некоторое время я увидел вазу на столе, событие, идентифицированное мной, было бы воспринято непосредственно [Дурст-Андерсен 1992].

В турецком языке обязательный выбор между формой *-dl*, которая выражает непосредственное восприятие, и формой *-mlş*, которая выражает косвенное или опосредованное восприятие [Aksu-Koç 1988; Slobin, Aksu-Koç 1982]. Допустим, что турок пришел в гости к другому турку, и, увидев шляпу друга Кемалья, он воскликнет: *Kemal gelmiş* "Кемаль, видно, пришел!" В данном случае употребляется форма косвенного восприятия, потому что говорящий не видел деятельности Кемалья. Если бы он сам видел, как Кемаль идет в квартиру друга, ему пришлось бы употребить форму *-dl* (*Kemal geldi* "Кемаль пришел"), потому что она выражает непосредственное восприятие говорящим события.

Языки, грамматическая система которых базируется на инструктивном уровне, т.е. на том уровне, где на основе отражающихся на сетчатке глаза стабильных и нестабильных картин идентифицируются различные ситуации действительности, имплицитно обязательный выбор в системе категорий наклонения между воспринятым/невоспринятым говорящим содержанием высказывания. Вследствие этого другие категории языка должны указывать на прямое/непрямое восприятие говорящим содержания, главным образом, как показывают исследования языков с такой системой [Willett 1988], на присутствие/отсутствие в его сознании визуального восприятия ситуации, представленной данной формой глагола. Следовательно, возникает вопрос, какие эквиваленты имеют явления внешнего мира: образные или необразные. Указанные языки соотносятся с внутренним миром говорящего и высказывание трактуется как отражение либо внешних впечатлений, либо внутренних мыслей. Грамматические и синтаксические структуры такого супертипа, представителям которого мы дали название "speaker-based languages" (языки, ориентированные на говорящего), вербализуют эмоции и мысли говорящего в широком смысле этого слова и тем самым манифестируют экспрессивную функцию языка, т.е. функцию, соотносимую с говорящим.

2.1. Турецкий и грузинский языки как разные реализации данного супертипа

Хотя турецкий и грузинский языки генетически не связаны (турецкий язык принадлежит к так называемой южной группе тюркских языков, а грузинский к картвельской группе кавказских языков), хотя они различны и в плане морфологической типологии (турецкий язык относится к чисто агглютинативным языкам, а грузинский скорее является слабо агглютинативным языком с явными чертами флективности), и в плане синтаксической типологии (турецкий язык входит в состав номинативного строя, а грузинский в состав языков активного/эргативного строя), тем не менее оба эти языка можно охарактеризовать как "speaker-based languages", поскольку вся грамматическая система обоих языков пронизана ориентацией на выражение впечатлений говорящего в широком смысле слова. Как свидетельствует языковой материал, разница между данными языками заключается в том, что гиперкатегория "прямое/непрямое восприятие" закодирована по-разному. В турецком языке она грамматикализована уже в системе форм настоящего времени, в то время как в грузинском языке она зафиксирована в системе форм прошедшего времени.

Турецкий язык располагает двумя формами глагола "быть" — формой на *-Ø*, например, *Bugün hava güzel* "Сегодня погода прекрасна", и формой на *-dir*, например, *Istanbul'da hava güzeldir* "В Истанбуле погода прекрасная". Хотя, на первый взгляд, разница в семантике этих двух высказываний напоминает разницу в употреблении краткой и полной форм русского прилагательного (нулевая форма описывает, а форма на *-dir* характеризует/классифицирует погоду), из других примеров явствует,

что разница здесь иная. Например, высказывание *O Ankara'dadır* "Он, дескать, находится в Анкаре" выражает "чужую речь", тогда как *O Ankara'da* "Он находится в Анкаре" имплицитно, что говорящий сам ответственен за истину выражаемой пропозиции, потому что он видел его именно в этом городе своими глазами. Такую же систему можно найти и среди полноточных глаголов, в которых разница выражается определенной формой настоящего времени на *-Iyor* (например, *görüyor* "видит") и неопределенной формой на *-Ar* (например, *görür* "видит/увидит"). Хотя *Her sabah gazete okuyor* "Каждое утро он читает газету" можно перевести на английский язык с помощью *ing*-овой формы (*He is reading his newspaper every morning*), форма на *-Iyor* не представляет собой часть видовой оппозиции. Турецкая форма указывает на источник информации, т.е. на говорящего, который отвечает за истину пропозиции. Она указывает на непосредственное или сознательное восприятие говорящим содержания высказывания. Форма на *-ar* указывает на косвенное восприятие говорящим содержания, т.е., употребляя эту форму, говорящий показывает слушающему, что он сам не отвечает за истину пропозиции. Хотя форма прогрессивного вида английского глагола также включает в себя визуализацию, она направлена на слушающего — она преподносит ему деятельность/состояние как нестабильную/стабильную картину, но не отражает источник передаваемой информации. Так как форма на *-Iyor* (в противоположность форме на *-Ar*, которая безразлична к истинности пропозиции) показывает, что говорящий полностью отвечает за содержание, она также может обозначать запланированное действие, т.е. будущее действие, которое уже зафиксировано в мозгу говорящего. Форма на *-ar* употребляется для обозначения возможного действия, за результат которого говорящий не может отвечать полностью. Как было упомянуто выше, такая же закономерность наблюдается и в системе форм прошедшего времени. Форма на *-di* указывает на то, что событие, обозначаемое данным глаголом, либо непосредственно воспринято говорящим, либо, по мнению говорящего, настолько хорошо обосновано, что он сам может отвечать за истину пропозиции. Форма *-miş* немаркирована в этом отношении, и поэтому она употребляется для обозначения разного рода событий, косвенно воспринятых говорящим. Не вдаваясь в описание всех остальных элементов грамматической системы турецкого языка, упомянем лишь систему указательных местоимений, которая отражает три плана расположения предметов в пространстве с точки зрения говорящего: *bu* "этот", *şu* "вот тот", *o* "тот".

Что касается грузинского языка, который располагает подобной же системой указательных местоимений и наречий, нам хотелось бы сосредоточить внимание на общеизвестной, но еще не объясненной "гармонии" между категориями и структурами разных уровней [Гецадзе, Гайдарова 1982; Harris 1982; Holisky 1981]. Синтаксические структуры грузинского языка зависят от форм вида, времени, наклонения. В так называемой первой серии времен и наклонения (настоящего совершенного и несовершенного видов) представлена номинативная конструкция, т.е. подлежащее выражается именительным падежом, а прямое дополнение дательным, ср.: *Mxatvar-i* (им.) *surat-s* (дат.) *xaṭavs* (наст. несов.) "Художник рисует картину", т.е. художник в момент речи продуцирует рисование с целью, чтобы в мире существовала картина. Говорящий сам видел деятельность, но не видел состояния. Во второй серии, т.е. в группе аориста, представлен эргативный строй предложения, т.е. подлежащее выражается эргативным падежом, а прямое дополнение именительным, ср.: *Mxatvar-ta* (эрг.) *surat-i* (им.) *daṭaṭa* (аор. сов.) "Художник нарисовал картину", т.е. художник продуцировал деятельность, каузировавшую состояние "картина существует в этом мире". Говорящий сам видел и деятельность, и новое состояние — событие непосредственно воспринято. В третьей серии (куда входит перфект) имеется дательная конструкция предложения, т.е. подлежащее выражается дательным падежом, а прямое дополнение именительным, ср.: *Mxatvar-s* (дат.) *dauxaṭavs* (перф. (сов.)) *surat-i* (им.) "Художник, оказывается/видно, нарисовал картину", т.е. данная конструкция также представляет собой действие как событие (а не как процесс), но на этот раз

говорящий видел новое состояние и на этой основе решил, что какая-то деятельность определенного художника является причиной возникновения картины. Иными словами, событие было косвенно воспринято говорящим. Сказанное дает возможность сделать следующие выводы. Когда пропозиция обозначает объективный факт внешнего мира, т.е. когда говорящий наблюдал деятельность или состояние, употребляется именительный падеж, а когда пропозиция обозначает субъективный факт внутреннего мира говорящего т.е. когда он не видел деятельности или состояния, употребляется дательный падеж. Таким образом, и именительный, и дательный падежи занимают место подлежащего, но не место подлежащего обыкновенного предложения, а место субъекта пропозиции, содержащей либо описание деятельности, либо описание состояния. Именно этим объясняется наличие двойного согласования в грузинском языке (понятий переходности и прямого дополнения в системе синтаксических категорий не существует). Разница между именительным и эргативным падежами сводится к тому, что эргативный падеж обозначает партиципанта, продуцировавшего деятельность, которая является причиной нового состояния, а у именительного падежа такого ограничения нет. Итак, существует явное внутреннее согласование среди разного рода грамматических явлений. По-видимому, в грузинском языке предложения, обозначающие действия, разделяются на две части: на часть, выражающую активность, и на часть, выражающую неактивность. Поэтому не следует удивляться, что грузинский язык делает различие между так называемыми динамическими и статическими глаголами (последние не располагают аористом). Таким образом, мы вполне можем согласиться с точкой зрения Г.А. Климова и М.Е. Алексеева, что грузинский язык, взятый в своей целостности, напоминает язык активного строя [Климов, Алексеев 1980: 78—169].

3. ЯЗЫКИ, ОРИЕНТИРОВАННЫЕ НА РЕАЛЬНОСТЬ И РАЗНЫЕ МЕНТАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

Предположим, что в человеческом сознании существует "центр", в котором находятся ментальные модели ситуаций, идентифицирующихся с помощью ментальных инструкций событий и процессов. Ментальная модель событий дает возможность понять, почему сама причина состояния, т.е. деятельность, каузивировавшая новое состояние, вдруг появилась в сознании, хотя человек, идентифицировавший событие, не видел деятельности. Модель ассимилирует событие, которое имело место, в соответствии с инструкцией событий. Однако люди в состоянии идентифицировать не только события, но и процессы, т.е. они в состоянии предвидеть будущее изменение состояния, имея только нестабильную картину на сетчатке глаза. Когда кто-то несет вазу по направлению к столу, то я могу догадаться, что ваза скоро будет на столе. Я идентифицировал не только деятельность на основе восприятия нестабильной картины, но и процесс, т.е. деятельность, имеющую состояние своей целью: «Кто-то продуцирует деятельность с целью каузировать состояние "на столе есть ваза"». Это состояние не воспринято глазами — оно не могло быть воспринято, потому что его не существует в действительности. Иными словами, ментальная модель процессов объясняет факт возникновения представления о данном состоянии в сознании, хотя самого состояния в действительности еще не существовало [Durst-Andersen 1992].

Перед носителем русского языка стоит обязательный выбор между совершенным видом, который вербализует ментальную модель событий, и несовершенным видом, который представляет собой языковое выражение ментальной модели процессов. Допустим, что я увидел вазу на столе и воскликнул: *Кто-то поставил вазу на стол!* Здесь я употребляю совершенный вид, потому что презентирую действие "X BRING Y TO Z VIA M" как событие, т.е. как состояние, каузированное деятельностью. Если бы я увидел жену, несущую вазу в направлении стола, и если бы в тот же момент мне задали вопрос *Что делает жена?*, я ответил бы: *Она ставит вазу на стол.* Здесь я

употребил бы несовершенный вид, потому что в момент речи жена продуцирует деятельность с целью каузировать состояние "на столе есть ваза" [Durst-Andersen 1994].

Языки, грамматическая система которых базируется на уровне ментальных моделей, с помощью которых ассимилируются идентифицированные ситуации действительности, имплицитно обязателен выбор в системе категорий вида между событием и несобытием. В результате другие категории языка вынуждены указывать на внутреннюю структуру и организацию этих ситуаций, главным образом, на присутствие/отсутствие предметов в ситуации, представленной данной видовой формой. Итак, языковая структура указывает на действительность, и высказывание в этих языках трактуется как отражение ситуации действительности и их внутренней структуры. Грамматические и синтаксические структуры такого супертипа, отдельные представители которого именуются "reality-languages" (языки, ориентированные на реальность), отражают или, говоря в философских терминах, символизируют внешнюю и внутреннюю организацию действительности и тем самым манифестируют репрезентативную функцию языка, т.е. функцию соотнесения его с предметами и ситуациями реальности².

3.1. Русский и французский языки как разные реализации данного супертипа

Может быть, трудно представить себе, что русский и французский языки, которые, как может показаться на первый взгляд, так далеки друг от друга, принадлежат к одному и тому же супертипу. Нам придется уточнить, что имеется в виду только устный вариант французского языка, из которого форма "passé simple" выпала и ее функции заменены формой "passé composé". Это означает резкий переворот в системе категорий времени и вида. Можно сказать, что письменный вариант французского языка представляет собой временную систему с категорией вида, а его устный вариант — видовую систему с категорией времени. Следовательно, французский язык в настоящее время находится в процессе развития, направление которого отражено в устном варианте, т.е. он развивается в направлении к супертипу, в состав которого входит русский язык. Это развитие вовсе не закончилось, и поэтому "новая форма мышления" ощущается только местами. С этой принципиальной позиции мы вернемся к более подробному рассмотрению грамматической системы устного варианта французского языка после разбора грамматической системы русского языка.

Категории вида, времени и наклонения русского глагола каждая по-своему играют роль в создании единой системы, но вид все-таки является самой основной, составляет исходный пункт не только создания глагольной системы, но и построения названного супертипа. Можно объяснить роль этих трех категорий следующим образом. Вид русского глагола создает для слушающего копию определенной части действительности: совершенный вид показывает ему копию события, а несовершенный вид — копию процесса [Дурст-Андерсен 1994]. Категория времени локализует оригинал в действительности исходя из момента речи/восприятия: форма прошедшего времени относит деятельность, составляющую первую часть события или процесса, к действительности, существующей до момента речи/восприятия (т.е. речь идет о прошедшем действии), а форма настоящего времени локализует деятельность на участке действительности, который по времени совпадает с моментом речи (т.е. процесс, проходящий в настоящем времени, соотносится с несовершенным видом, а событие, которое будет иметь место в будущем времени, соотносится с совершенным видом). Наклонение русского глагола маркирует отношение между копией, создаваемой видовой формой, и оригиналом, локализуемым в действительности временной формой. Индикатив ставит знак равенства между копией и оригиналом, т.е. он

² Интересно, что В.Г. Гак уже 21 год назад затрагивал вопросы русского и французского синтаксиса, исходя из структуры действительности [Гак 1974].

обозначает истинную референцию (ср.: *Он открыл окно*). Неиндикативные формы наклонения обозначают ситуации, которые существуют не в реальном мире, а только в мире воображения. Сослагательное наклонение обозначает отсутствие оригинала как неизменяемый факт (ср.: *Он открыл бы окно*), тогда как повелительное наклонение рассматривает это как факт, который нужно изменить (ср.: *Откройте окно*). Употребляя императив, адресант просит адресата создать оригинал на основе копии. В случае употребления сослагательного наклонения слушающий спрашивает самого себя, почему говорящий показал ему копию, у которой оригинала нет, и он сам может ответить: может быть, потому что говорящий хотел, чтобы такой оригинал существовал (поэтому форма также употребляется именно в этом транспозитивном значении). На наш взгляд, все это дает объяснение тому факту, что грамматическая система русского языка основана на понятии референции. Вот почему в русском языке надо употреблять форму настоящего времени в высказываниях типа *Брат уже 5 лет в Москве*: в момент речи есть референция — он сейчас находится в состоянии, обозначаемом глаголом. Если такой референции нет, обязательно употребляется форма прошедшего времени, ср.: *Брат был 5 лет в Москве*. Такая же форма мышления наблюдается и в системах местоимений *-то/-нибудь, ничего/ничего* и др. Форма *-то* предполагает референцию (ср.: *кто-то звонил*), в то время как *-нибудь* обозначает отсутствие референции (ср.: *кто-нибудь звонил?*). Разница между местоимениями *"ничего/никого"* и местоимениями *"ничего/некого"* такая же. Высказывание *Профессор ни с кем не говорил* предполагает референцию — был хоть один, с кем он мог бы говорить, тогда как в высказывании *Профессору не с кем поговорить* такая референция отрицается³.

Если посмотреть на падежную систему русского языка, конечно, сразу же бросается в глаза употребление родительного падежа вместо именительного и винительного падежей в связи с отрицанием, ср.: *Его не было дома* (локальной референции нет) и *Он не знает тайги* (локальной референции тоже нет — имеется в виду понятие тайги). Оказывается, что именительный, винительный и предложный падежи референтны в том смысле, что они предполагают локальную референцию. Все косвенные падежи немаркированы в этом отношении, и по этой причине они занимают винительный падеж в случае, если речь идет о глобальной, а не локальной референции, ср.: *Он избегает трудностей* (трудностей нет в "локальной" ситуации, обозначаемой глаголом, — нет контакта между агентом и "пациентом"), *Он изменяет жене* (жена не находится в ситуации, обозначаемой глаголом, — нет контакта между агентом и "пациентом"), *Она злоупотребляет терпением мужа* (терпение не находится в "локальной" ситуации, но жена продуцирует действия, от которых терпение мужа косвенно страдает). Нам хотелось бы предложить термин "прямой пациент" для обозначения прямого дополнения, выражаемого винительным падежом, и термин "косвенный пациент" для обозначения косвенного дополнения, выражаемого одним из косвенных падежей. "Косвенный пациент" понимается как макро-роль, которая реализуется как средство.

Система русских предлогов также отражает понятия присутствия/отсутствия контакта (ср.: *Он едет через город, Ему надо уйти в десять, С 10 по 20-е*), тогда как предлоги, которые управляют нереферентным падежом, обозначают отсутствие контакта (ср.: *Он едет мимо города, К десяти ему надо быть дома, С 10 до 20-го*).

Если посмотреть на разницу между так называемыми лексическим и грамматическим глаголами *быть* с точки зрения нашего супертипа, лексический глагол обозначает внешнюю реальность, т.е. локативность и поссессивность, в то время как грамматический глагол обозначает внутреннюю реальность т.е. краткая форма

³ Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев также рассматривают различие между формами 2 л. ед. числа и 3 л. мн. числа, т.е. различие между *скажешь* и *скажут* как различие между референцией и нереференцией [Булыгина, Шмелев 1991].

прилагательного описывает впечатление (ср.: *Эта книга мне интересна*), а полная форма обозначает качество определенного предмета, включая его в класс, к которому он, естественно, принадлежит (ср.: *Эта книга интересная*). Такого рода гипер-грамматика может объяснить явления, которые трудно объясняются в существующих грамматиках русского языка, если они вообще упоминаются: *На Украине нет ни одного города, который не голодал бы во время войны*. Почему употребляется сослагательное наклонение в русском языке, а в английском и датском нет? Дело в гармонии между предложениями: так как родительный падеж обозначает отсутствие референции, надо употребить категорию, настроенную на тот же канал [Durst-Andersen 1995].

Перевод последнего высказывания на французский язык (*En Ukraine, il n'y a pas de ville qui n'ait pas souffert de la famine pendant la guerre*) указывает на то, что французский и русский языки, должно быть, построены на какой-то общей основе. Во-первых, конструкция с *de* в связи с отрицанием подлежащего, т.е. *ne... pas de ville*, напоминает употребление родительного падежа русского языка: если локальной референции нет, именительный падеж не употребляется. То же самое наблюдается и в связи с отрицанием прямого дополнения (ср.: *Il n'avait pas acheté de bonbons* "Он не купил конфет"): когда локальной референции нет, употребляется конструкция с предлогом *de*, являющимся (вместе со всеми предлогами французского языка) показателем косвенного падежа [Herslund, Sørensen 1994]. Во-вторых, употребление сослагательного наклонения в придаточном предложении указывает на применение одинаковых принципов [Nølle 1985]. Однако система наклонения французского языка развивалась иначе. Сюзжонктив и индикатив французского языка отличаются от изъявительного и сослагательного наклонений русского языка различным пониманием объема действительности. Можно сказать, что французский язык отделяет внутреннюю реальность от внешней реальности (ср.: *Il semble que Marie est malade* "Кажется (думаю), Мария больна" и *Il semble que Marie soit malade* "Мне кажется (вижу), Мария больна") [Guillaume 1929; Nølle 1994]. Такого рода различия нет в русском языке, но оно было обнаружено нами при анализе лексического и грамматического глаголов *быть*. Однако, как уже было сказано выше, мы не могли бы включить французский язык в состав языков с ориентацией на реальность, если бы французский аорист не пропал в устном варианте французского языка. Форма *passé composé* — маркированный член новой видовой оппозиции, она представляет действие как событие, ср. *Il a envoyé sa femme à Nice* "Он отправил жену в Ниццу", т.е. *passé composé* констатирует состояние "жена находится в Ницце" и предполагает деятельность "он продуцировал деятельность с какой-то целью". Форма *imparfait* представляет действие как процесс, ср.: *Il lisait une carte* "Он изучал карту". Форма *imparfait* похожа на прогрессивный вид английского языка и несовершенный вид чешского языка в том, что она имеет картинное представление, ср. *Cinq minutes plus tard, il mourait* "Через 5 минут он умер", т.е. при особых условиях она может указывать на событие, но она не может представить действие как событие. Используя французский несовершенный вид вместо совершенного вида в репортажах о футбольном матче или вообще о событиях дня по радио или телевидению, комментатор образно описывает события, происходящие перед глазами. Короче говоря, когда форма *imparfait* заменяет форму *passé composé*, она преподносит событие как образ. Кроме этого, можно сказать, что разница между видовыми системами русского и разговорного французского языков заключается скорее не в содержании, а в объеме. В то время как русский язык располагает разного рода способами выражения действия посредством глаголов состояния и деятельности, во французском языке не наблюдается такого расширения на базе существования чистовидовых пар среди глаголов действия. Таким образом, глаголы состояния и деятельности во французском языке все еще имеют следы старой перфектной системы.

4. ЯЗЫКИ, ОРИЕНТИРОВАННЫЕ НА СЛУШАЮЩЕГО, И РАЗНЫЕ МЕНТАЛЬНЫЕ АРХИВЫ

Предположим, что в человеческом сознании существует третий "центр", в котором хранятся все ассимилированные ситуации, т.е. состояния, деятельность, процессы, события. Ментальный архив, должно быть, состоит из архивов прошлого и настоящего. Ментальный архив прошлого включает в себя все впечатления, у которых уже нет конкретных эквивалентов в реальном мире. Итак, в этом месте сохраняются только копии ситуаций прошлого. Ментальный архив настоящего включает в себя все впечатления, у которых есть конкретные эквиваленты в реальном мире. Таким образом, в данном месте сохраняются только копии ситуаций настоящего. Архивное место не играет роли в случае простых ситуаций, но играет большую роль в случае сложных ситуаций. Состояние всегда хранится в виде фотографии, а деятельность всегда в виде фильма независимо от типа ментального архива. Но если речь идет о процессах и событиях, то дела обстоят иначе. Приведем пример: *Однажды Борис, который промышляет воровством, решил проникнуть в особняк богатого предпринимателя. Он планирует проникнуть в его дом в 10.00 вечера. Именно в этот момент он переступает порог дома. Он начинает осматривать все комнаты, все ящики каждой отдельной комнаты. Он не может найти денег. Вместо денег Борису удается найти очень дорогие часы из чистого золота. Он их берет и в 10.30 он уходит из дома.*

Наша гипотеза следующая: в тот момент, когда Борис переступил порог, включается кинокамера; она выключается в тот момент, когда он ушел. В результате, в ментальном архиве прошлого имеется получасовой фильм со всеми сценами и интерьером всех комнат. Это цветной фильм, зафиксировавший также впечатления на уровне слуха, запаха, вкуса, ощущения. Так как все впечатления происходят от прошлого события, они имеются на лентах в архиве прошлого. Мы представляем себе, что кинофильм имеется в файле с названием "Кража мною золотых часов". Но кроме фильма ментального архива прошлого, в архиве настоящего также имеется фотография самого результата события, т.е. фотография нового состояния "У меня есть золотые часы". Такая фотография снималась, когда Борис ушел из дома, именно потому, что произошло событие с изменением состояния. Фотография изображает новое состояние, но на ее оборотной стороне имеется резюме состоявшегося события: "украдены в доме предпринимателя такого-то между 22.00 и 22.30 такого-то дня". Это резюме служит индексом файла-архива прошлого, в котором сохраняется фильм кражи. Когда Борис продаст часы, фотография автоматически вычеркнется из архива — копия теряет свой оригинал — и от события останется только фильм.

Пусть Борис вернется с часами в кармане к своей жене, которая хорошо знала о его плане. Что он скажет жене, если он захочет передать ей, что состоялось событие? Если бы Борис был турком, он употребил бы только форму прямого восприятия. Если бы у него была русская жена, он употребил бы только совершенный вид, потому что имело место именно событие (*Я украл золотые часы*). А что он скажет, если у него жена-англичанка? Перед ним стоит выбор: либо *I have stolen a gold watch*, либо *I stole a gold watch*. Употребляя перфект, Борис презентует событие как "последнее известие" (news-flash), т.е. он подводит итоги дня. Он вербализует репрезентацию события в ментальном архиве настоящего и при этом показывает жене фотографию. Естественная реакция жены будет: "Не может быть, покажи мне (оригинал)". Употребляя имперфект, Борис как бы прокручивает пленку назад и демонстрирует ее с самого начала. Он презентует событие как "flash-back", т.е. он передает ей короткий рассказ — он как бы вербализует название файла, в котором хранится фильм, одновременно показывая фильм жене. Этот фильм демонстрируется очень быстро, потому что Борис придал словесную форму только его названию. Естественная реакция жены будет: "Расскажи мне (поподробнее)". Таким образом,

перфект и имперфект отличаются друг от друга в двух планах. Во-первых, они презентируют событие по-разному. Во-вторых, хотя способ представления события в обоих случаях визуальный, в одном случае на сетчатке глаза у слушающего создается стабильная картина, а в другом нестабильная.

Языки, грамматическая система которых основывается на уровне ментального архива, в котором хранятся ассимилированные данные настоящего и прошлого, требуют выбора в системе временных категорий между параметрами "актуальность" и "неактуальность" ситуативных информаций. По этой причине другие категории языка должны указывать на известность/неизвестность слушающему ситуаций, главным образом, на присутствие/отсутствие информативных компонентов высказывания в ментальном архиве слушающего, т.е. либо на старую, либо на новую для него информацию. Следовательно, такие языки имеют не внешнюю, а внутреннюю референцию в силу того, что они соотносятся с внутренним миром слушающего. Высказывание в этих языках трактуется как отражение предназначенной для слушающего информации, а грамматические и синтаксические структуры такого супертипа, отдельные члены которого называются "hearer-based languages" (языки, ориентированные на слушающего), служат сигналом для слушающего и тем самым манифестируют апеллятивную функцию языка, т.е. функцию, соотносимую со слушающим.

4.1. Английский и датский языки как разные реализации данного супертипа

Временная система английского языка с центральными категориями перфекта и имперфекта имеет свой эквивалент в системе категорий существительных. Центральными категориями этой системы являются определенный и неопределенный артикли, т.е. формы *the* (определенный) и *a* (неопределенный), которые также базируются на понятиях "актуальность" и "неактуальность". Предложение *Yesterday I went to the Georgian restaurant* "Вчера я пошел в (определенный) грузинский ресторан" указывает на ресторан, известный слушающему, т.е. у него в ментальном архиве есть файл данного грузинского ресторана. Предложение *Yesterday I went to a Georgian restaurant*, в котором употребляется неопределенный артикль, указывает на ресторан, неизвестный слушающему, т.е. у него в ментальном архиве такого файла нет. Употребляя неопределенный артикль, говорящий фактически просит слушающего создать новый файл. Такая же форма мышления проявляется во многих других местах синтаксиса английского языка. Это доказывается существованием так называемых "It-cleft-sentences" (ср.: *It was a Russian book that I borrowed at the library* "В библиотеке я взял именно русскую книгу"), в которой "это" обозначает новый элемент, т.е. слушающий знал, что я взял какую-то книгу, но он не знал, что она на русском языке. Это также доказывается существованием презентативных предложений (ср.: *There were many people sitting at the table* "За столом сидело много людей"), которые употребляются для презентации слушающему новой для него ситуации. Живописное изображение перфекта и имперфекта также наблюдается в употреблении *ing*-овой формы (ср.: *He is always smoking* "Он всегда курит"). *ing*-овая форма представляет ситуацию, обозначаемую глаголом, как качество картины, т.е. с прагматической точки зрения, она описывает ситуацию, тогда как не-*ing*-овая форма представляет ситуацию, обозначаемую глаголом, как качество предмета/человека (ср.: *He always smokes* "Он всегда курит"), т.е. форма с прагматической точки зрения характеризует данный предмет или данного человека.

Хотя видовой оппозиции в датском языке не существует, он построен на той же основе, о чем свидетельствует сходство в употреблении почти всех форм обоих языков. Однако существует определенное различие между ними в употреблении

перфекта и имперфекта, имеющее принципиальное различие. Речь идет об употреблении датского перфекта в значении косвенного восприятия (ср.: *Han er gået ind i huset gennem vinduet* "(Кажется) он проник в дом через окно") и датского имперфекта в значении прямого восприятия (ср.: *Han gik ind i huset gennem vinduet*, т.е. говорящий сам видел, как вор проник в дом через окно). Такая же разница наблюдается в системе страдательного залога. Датский язык располагает двумя формами пассива — аналитической и синтетической. Аналитический пассив обозначает прямое восприятие (ср.: *Der bliver talt dansk i Sverige* "(Я сам слышал, как) в Швеции говорят по-датски", в то время как синтетический пассив обозначает косвенное восприятие: *Der tales dansk i Sverige* "(Я знаю, что) в Швеции говорят по-датски". По этой причине некоторые подсистемы датской грамматики указывают на параметры, которые характеризуют языки, ориентированные на говорящего. Это также касается модальной системы датского языка, в которой различается знание говорящего: *Han må fyres* "(Я знаю, что) его придется уволить" — и его предположение: *Han må blive fyret* "(Я знаю, что) его уволят". Различие между деонтической модальностью, маркированной синтетическим пассивом, и эпистемической модальностью, маркированной аналитическим пассивом, не находят соответствия в английском языке.

5. ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Построение рассмотренных выше принципов описания и объяснения грамматических явлений отдельных языков представляет собой попытку преодолеть явные, с нашей точки зрения, недостатки в теориях, построенных в рамках так называемой автономной лингвистики, в которой главное внимание обращается на различие в выражении разными языками одного и того же содержания и в которой грамматическая структура определенного языка более или менее описывается с позиции латинской грамматики. Хотя в так называемой когнитивной лингвистике считается, что языковые структуры являются отражением когнитивных структур и что языковая форма производна от языковых функций [Кибрик 1994], ее возникновение не явилось переворотом в лингвистической науке, потому что в ней проявляется англоцентризм, свойственный работам Н.А. Хомского и его сторонников.

Наша теория исходит из того, что ситуации действительности имеют три разные манифестации в человеческом сознании (форма восприятия, ментальная модель, архивное место), что коммуникация требует трех участников (говорящий, предметы и ситуации реальности, слушающий), что центральные категории языка должны выводиться не из членов и структур предложения, а из трех главных категорий глагола (наклонение, вид, время), которые, каждая по-своему, детерминируют другие категории и синтаксические структуры языка в том смысле, что они должны находиться в гармонии с детерминирующей категорией. На этой довольно простой основе образовались три принципиально разных типа, которым мы дали название "супертипы, ориентированные на говорящего, на реальность, на слушающего". Все супертипы базируются на референции, но отличаются друг от друга ее направлением. Хотя наша теория супертипов, несомненно, нуждается в дальнейшем совершенствовании, достигнутые результаты указывают на возможность применить теорию в других областях лингвистики, например, при изучении процессов овладения ребенком родным языком и освоения ребенком/взрослым иностранного языка, а также при объяснении изменений, происходящих в языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булдыгина Г В Шмелев А Д 1991 — Неопределенность и обобщенноличность // Теория функциональной грамматики Персональность Залоговость // Под ред А В Бондарко СПб 1991
- Гак В Г 1974 — Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1973 М , 1974
- Гецадзе И О Гайдарова Ф А 1982 — О выражении субъектно-объектных отношений в иберийско-кавказских языках // Категория субъекта и объекта в языках различного строя // Под ред С Д Кацнельсона Л , 1982
- Живов В М Успенский Б А 1973 — Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий // ВЯ 1973 № 5
- Кибрик А А 1994 — Когнитивные исследования по дискурсу // ВЯ 1994 № 5
- Климов Г А 1977 — Типология языков активного строя М , 1977
- Климов Г А 1983 — Принципы континентальной типологии М , 1983
- Климов Г А , Алексеев М Е 1980 — Типология кавказских языков М , 1980
- Тань Аошун 1994 — Китайский язык и концептуальный мир говорящего (на примере показателя *men*) // ВЯ 1994 № 5
- Aksu Koç A 1988 — The acquisition of aspect and modality the case of past reference in Turkish Cambridge, 1988
- Babby L H 1989 — Subjectlessness, external subcategorization, and Projection principle // Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku 1989 № 2
- Babby L H 1994 — Case theory // Noam Chomsky Critical assessments / Ed by C P Otero t, 1994
- Buhlei K Sprachtheorie Die Darstellungsfunktion der Sprache Stuttgart, 1975
- Chomsky N A Knowledge of language Its nature, origin, and use N Y 1986
- Comrie B 1981 — Language universals and linguistic typology Oxford, 1981
- Coseriu E 1965 — Synchronie, Diachronie und Typologie // Sprache, Strukturen und Funktionen / Hrsg von E Coseriu Tübingen 1971
- Dixon R M W 1994 — Ergativity Cambridge, 1994
- Durst Andersen P V 1992 — Mental grammar Russian aspect and related issues Columbus (Ohio), 1992
- Durst Andersen P V 1994 — Russian aspect as different statement models // Tense, aspect and action / Ed by C Bache et al B 1994
- Durst Andersen P V 1995 — De to syntaktiske systemer i russisk // P V Durst Andersen, J Nørgård Sørensen Ny forskning i grammatik 2 Odense 1995
- Givon T 1984 — Syntax A functional-typological introduction V 1 Amsterdam, 1984
- Greenberg J H 1989 — Two approaches to language universals // On language Selected writings of Joseph Greenberg / Ed by K Denning, S Kemmer Stanford, 1990
- Guillaume G 1929 — Temps et verbe P 1929
- Harris A C 1982 — Georgian and the Unaccusative Hypothesis // Language 1982 № 2
- Hawkins J A 1986 — A comparative study of English and German L , 1986
- Herlund M Sørensen F 1994 — A valence based theory of grammatical relations // Function and expression in functional grammar / Ed by E Ergberg-Pedersen et al B , 1994
- Holisky D A 1981 — Aspect theory and Georgian aspect // Tense and aspect / Ed by Ph Tedeschi, A Zaenen N Y 1981
- Jakobson R 1936 — Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre // Selected writings V 2 The Hague 1971
- Keenan E L 1984 — Semantic correlates of the ergative / absolutive distinction // Universal Grammar 15 essays / Ed by E L Keenan et al L , 1987
- Muller Gotama F 1992 — Towards a semantic typology of language // Meaning and grammar Ed by V Kefer J van der Auwera B 1992
- Nolke H 1985 — Le subjonctif, fragments d'une théorie énonciative // Langages, 1985 80
- Nolke H 1994 — La dilution linguistique des responsabilités // Langue française 1994 102
- Slobin D I Aksu A A 1982 — Tense, aspect and modality in the use of the Turkish evidential // Tense-aspect Between semantics and pragmatics / Ed by P J Hopper Amsterdam, 1982
- Timberlake A 1982 — Invariance and the syntax of Russian aspect // Tense aspect Between semantics and pragmatics / Ed by P J Hopper Amsterdam, 1982
- Willett Th 1988 — A cross linguistic survey of the grammaticization of evidentiality // Studies in language 1988 № 1